

Таганцев Николай Степанович

Пережитое

**Учреждение Государственной думы в
1905-1906 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Степанович Т.**
Пережитое: Учреждение Государственной думы в 1905-1906 гг / Таганцев Николай Степа-
нович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 225 с.

ISBN 978-5-519-76194-9

ISBN 978-5-519-76194-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

окончившему полный курс с медалью, право поступления в университет, но не предоставляется, как происходящему из купеческого звания, никаких прав для вступления в гражданскую службу

А в 1916 году, в списке гражданских чинов второго класса я уже состоял под номером пятнадцатым, ⁽²⁾ в порядке иерархической престарелости, и если бы я умер при дореволюционном режиме, то в моем официальном некрологе значилось бы, что я имел все знаки отличия до ордена Александра Невского с бриллиантами включительно. ⁽³⁾

2) В списке гражданских чинов второго класса за 1919 год я быт бы увы, уже *шестым*.

Причем в моем списке значилось бы:

Таганцев Николай Степанович.

(Д. Тайн. Сов.).

Член Госуд. Совета. Почетный Мировой Судья г. Петрограда и Вышневолоцкого уезда; Почетный гражданин г. Вышнего Волочка и г. Пензы; заслуженный профессор; почетный академик; почетный член университетов — Петербургского, Киевского, Казанского, Юрьевского (Дерптского).

На службе с 1863 года.

В 4-м классе с 1876 г.

„ 3-м „ „ 1887 г.

„ 2-м „ „ 1903 г.

И м е е т:

Св. Станисл. I степ. 1882 г.

Св. Анны I степ.—1884 г.

Сенатор—1897 г.

Св. Владимира 2 ст. 1901 г.

Белого орла 1895 г.

Св. Александра Невского 1909 г.

Высоч. призн. 1903 г.

Член Гос. Совета 1905 г.

Брил. знаки к орд. Александра Невского при высоч. рескрипте 1913 г.

И м е е т:

Знаки отличия безпорочн. службы
За XL и за L лет.

Медали в память:

Царств. импер. Александра III.

Корон. 1896 г.: в память 300-летия Романовых. Знаки в память 200 л

Прав. Сената и в память 300 л. д. Романовых и французский officier de l'instruction publique.

3) В гербе открываемого мною рода Таганцевых, утвержденном по указу Императора Александра III-го определением Правительствующего Сената от 23 февраля 1893 года, включено много эмблем геральдики, знаменующих главнейшие ступени моего жизнепроехождения, начиная с трех золотых колосьев, взятых из герба города Пензы, моей родины, а затем, в лазуревом щите серебряная открытая книга и над нею золотая о шести лучах звезда, удостоверяющая яко-бы, мою просветительную деятельность, как профессора и ученого и мое участие в законодательской работе разных

Этому обширному протяжению жизни в вертикальном направлении соответствовала еще большая ширина, и разнообразие в порядке горизонтальном.

Первая сфера моей деятельности была учено-преподавательская. Она дала мне возможность встать в близкие отношения и ознакомиться с разнообразною учебною, учащею и учащеюся средою, преимущественно в Петербурге.

Вторая—государственно-служебная; в Правительствующем Сенате, в Государственном Совете и в огромном числе самых разнообразных комиссий, включая сюда и комиссию по составлению Уголовного Уложения, взявшую у меня более двадцати лет самой серьезной работы. И в этой сфере мне пришлось встретиться с огромным числом представителей бюрократии и преимущественно высшего порядка, ознакомиться с огромным материалом, объемлющим все стороны государственной жизни России.

Наконец, третья сфера—это литературный фонд, где я работал с 1875 года, то простым членом комитета, то председателем; где пришлось мне соприкасаться и приходить в разнообразные отношения не только с нуждающимися тружениками пера, но и с светилами русской мысли, знания и таланта.

А все это, вместе взятое, переливается, как многогранный блестящий и искрящийся жизненный kaleй-доскоп, в котором горят не только самоцветные камни,

комиссий и Государственного Совета. В надшлемнике же, как сказано в описании, изображены два ликторских пика, прутья натурального цвета с обвитыми вокруг них черными ремнями, топоры серебряные, *нужные*, будто бы по правилам геральдики для уяснения специального рода моих научных и законодательных трудов в области уголовного права, но, для обыкновенных смертных, напоминающие телесные наказания и смертную казнь; два исчадия и наследия средних веков, с которыми, а в особенности с последней, я неустанно, что называется непокладаячи рук, боролся, в продолжение всей моей долгой научной деятельности, не соответствующей истине. За то девиз, помещенный на выходящей ленте, в нижней части герба, на коем изображено: „трудом *счастливы*“ был выбран и внесен в герб *лично мною*. В этом изречении—весь смысл, вся гордость и утешающий вывод моей многолетней жизни. И отходя, в час предназначенный мне создателем, в вечность, я оставляю его, как *непререкаемый* совет, моим детям и внукам: пусть вспоминают своего труженика отца и деда и его судьбу.

но и драгоценные алмазы и жемчуга русского мыслящего мира.

3. Хотя огромное большинство лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, уже перешли за недостигаемые пределы того берега, но все же осталось много и живущих, и еще более, тесно связанных с отшедшими, близких им лиц, а это, по старым заветам писательской этики, значительно стесняет или по крайней мере ограничивает, область допустимого к оглашению. И это требование я не особенно склонен нарушать в каком либо отношении.

ПЕРЕЖИТОЕ.

I.

Предположение о реформе Государственного строя России в 1905 и 1906 г.г.

Нечто вроде вступления.

Печатаю отрывки из пережитого («Былое», 1908 г. № 3), я предпослал им несколько слов¹⁾ о том, почему я до сих пор не решился присоединить к сыплющимся, как осенний поток падающих звезд, на головы бедных читателей—воспоминаниям всяких типов, и мои блуждающие огоньки, а также и о чем могли бы напомнить мои сказания о мпнувшем.

В этих отрывках, я останавливался на событиях 1877 года, когда мне пришлось единственный раз, появиться на судебной арене в качестве защитника доктора Кадьяна, привлеченного в качестве обвиняемого по политическому процессу 193-х (Народовольцы).

Затем ко мне обратилась редакция одного предполагавшегося издания с пожеланием, чтобы я попытался составить очерк другого, более недавнего эпизода: моего участия в обсуждении проектов переустройства государственного уклада России в 1905—1906 г.г.

Предложение заманчивое; задача крайне соблазнительная, но и не легкая для разрешения.

Прежде всего пришлось озаботиться о подготовке материалов, а это представило затруднение.

В журнале «Былое» за 1917—1918 г.г. были напечатаны, относящиеся к этому событию, весьма важные протоколы секретных заседаний под председательством Государя; имелись они и у меня, и притом официозные, отпечатанные в Государственной типографии в весьма ограниченном числе. Сверх того,

¹⁾ перепечатано выше, как предварительная заметка

я имел в своем распоряжении чрезвычайно важные документы из архива бумаг покойного барона Эммануила Юльевича Нольде, бывшего тогда управляющим делами Комитета Министров, любезно сообщенные мне его сыном, профессором Борисом Эммануиловичем Нольде и кроме того я пользовался материалами из моего собственного архива.

Но остались всетаки значительные пробелы.

Я не мог получить в Архиве Государственного Совета переданные в него из Государственной Канцелярии дела, относящиеся к этим заседаниям; так как по полученным сведениям они были взяты оттуда комиссаром Министерства Юстиции, а в министерстве оказалось, что они свалены в одной из комнат здания Министерства на полу, вместе с другими документами, и розыскать их (если они существуют в этой беспорядочной куче), было невозможно. Что же касается дел бывшего Комитета Министров, то за отъездом моим летом 1918 г. из Петербурга, я не мог их и разыскивать.

В журнале «Былое» напечатанный эти материалы В. В. Водовозов присоединил к ним *краткий* обзор некоторых из них, талантливо написанный, но далеко их не исчерпывающий, так как он стоял совершенно в стороне от описываемых событий.

В этом отношении мое положение было более выгодно. Я мог пользоваться, помимо всего вышеозначенного, еще одним, особенно ценным подспорьем: кладовой моей памяти.

Провидению угодно было, допустив меня дожить до глубокой старости, сохранить пока мне и возможность пользоваться накопленными запасами моей жизни, по мере дарованных мне умственных сил и способностей. Это да послужит мне оправданием, что я приступил к предложенной работе почти вслепую за то только что указанными очерками Водовозова.

Мне, как лицу, участвовавшему в большинстве заседаний, о которых идет речь, известно было многое, недоступное постороннему, а многое представлялось иначе, под иным углом зрения. Во внутренней камер-обскура моей памяти вырисовываются не только картины прошлого, но и участники событий, и особенно главнейшие из них, в их жизненном облике, с их стремлениями, склонностями и даже способностями, из сколько, конечно, все это доступно моему разумению.

Но и помимо неполноты материалов трудность предложенной задачи заключалась в ее выполнении. Боюсь, что я взялся рубить дубинку не по росту! На моей палитре не положено достаточно сочных и ярких красок для надлежащего изображения описываемого.

Содержание очерка—крупнейшие события новой истории России, а мой личный кругозор недостаточно широк; слабее моя способность проникать в глубь переплетающихся исторических

нитей, сопоставлять и оценивать совершившееся и, наконец, думается мне, особенно слабою окажется моя способность облечь это в надлежащую форму.

Все это создавало сильные зацепы! Но на то, ведь, я русский человек: «не мимо идет присказка: назвался груздем, так и полезай в кузов», и пошел груздочек по ельничку!

На какое либо снисходительное ко мне отношение я не претендую; прошу только верить моей искренности.

По моим предположениям, постоянный очерк должен обнять обсуждение в высших сферах реформы, государственного строя России, происходившее в 1905—1906 г.г.

В этот очерк вошли:

1) Петергофское совещание в июле 1906 г. о проекте Государственной Думы;

2) Первое царское совещание по пересмотру избирательного права на основании манифеста 17 октября 1905 г.;

3) комиссия графа Сольского об изменении учреждения Государственного Совета в 1905 году;

4) второе царское совещание по пересмотру высших законодательных учреждений в феврале 1906 года;

5) третье царское совещание по реформе основных законов при графе Витте.

Кроме того мною по данным того же времени сделан дополнительный очерк:

Обзор предположений общественных учреждений и частных лиц, о реформе государственного строя России, представленных в Совет Министров на основании указа 18 февраля 1905 г. Он назван мною: «Голос России 1905 года».

Петергофское совещание.

1) Приглашение на совещание.

Лето 1905 г. я проживал по обыкновению с семьей в моей маленькой мызе «Залучье» Вышневолоцкого уезда Тверской губ. 17 июня я получил от Государственного секретаря барона Юлия Александровича Икскуля фон Гильденбанда телеграмму такого содержания: «по Высочайшему Повелению Ваше Высокопревосходительство призваны в состав совещания под личным Его Императорского Величества председательством. Первое заседание назначено в Петергофе, в большом дворце, во вторник 19 июля». Я был в это время уже членом Государственного Совета.

В тот же день вечером я отправился в Петербург, и так как накануне, 16 июля, я получил телеграмму от бывшего Государственного секретаря А. А. Половцева: «будете в Петербурге, желал бы повидаться с Вами», то 18 утром я отправился его разыскивать но никаких предположений или особых планов с его стороны мне не было сообщено.

Совещание было образовано на основании Высочайшего повеления от 16 июля для обсуждения предначертаний, указанных в рескрипте 18 февраля 1905 года. из лиц по непосредственному указанию Е. И. В.

Делопроизводство было возложено на Тов. Гос. Секретаря П. А. Харитонова и на статс-секретарей Тимрота, Кобеляцкого и Трепова.

Всех членов совещания по списку было 44, да сверх того в заседаниях участвовали: князь М. С. Волконский, бывший прежде попечителем Петербургского учебного округа, и воспитатель В. Кн. Михаила Александровича—Чарторийский По направлению из ярко консервативных членов совещания были К. П. Победоносцев и контролер Лобко; члены Гос. Совета граф Игнатьев, Д. С. Стишинский; сенаторы А. А. Парышкин, Ширинский-Шихматов и А. А. Бобринский. Кроме того из участников резко окрашенных тем же цветом были: Ананий Петрович Струков; секретарь вдовствующей императрицы, поэт

граф Голенищев-Кутузов и известный по квантунской истории дворянин Павлов. Большинство прочих участников, в том числе и я, были умеренного образа мыслей; к нашей же группе принадлежал и профессор В. С. Ключевский.

Не знаю, какими основаниями руководился Государь при выборе членов совещания и кто именно указывал или, вернее, подсказывал выборы того или другого сочлена. Относительно меня предполагаю, что это мог сделать кто-нибудь из моих учеников, участвовавших в совете министров¹⁾; а, может быть, и сам автор первоначального проекта А. С. Булыгин; тем более что обо мне шла речь в сообщенной нам в совещании, в качестве материала, переписке Мин. Внутр. Дел с ст.-секретарем Великого Княжества князем Иваном Михайловичем Оболенским, в которой указывалось, что по проекту Булыгина было предполагено включить в состав Думы, для обсуждения некоторых дел, и членов от Финляндского сейма, но что это предположение не было принято в проекте совета министров в виду производящегося под председательством члена Государственного Совета Татанцева пересмотра вопроса о предметах общего в Империи и Финляндии законодательства¹⁾.

Сообщение о назначении меня членом совещания я получил от барона Икскуля только по прибытии в Петербург; тогда же я получил весьма немногие материалы и в том числе соображения Министра Внутренних Дел Александра Григорьевича Булыгина, положенные в основание составленного им проекта учреждения Думы, внесенного в Совет Министров под председательством графа Сольского 23 мая 1905 года и несколько измененного им. Пересмотренный Советом Министров проект Думы и подлежал рассмотрению Совещания.

Булыгин был моим учеником по училищу Правоведения и даже составителем моих лекций. Воспитанник он был способный, богатый барич, человек несомненно безусловно порядочный, очень спокойного характера. Товарищи его любили, хотя временами и поддразнивали, называя почему-то «бычком». Во время коронации в 1887 году он был московским губернатором и там я весьма дружески встретился с ним, впервые после окончания им курса.

¹⁾ В составе Совета Министров, а потом и в Петергофском Совещании моими учениками были: Тапеев, Булыгин, бар. Будберг, Кокорцов, бар. Икскуль, Манухин, бар. Нольде; и кроме того, в делопроизводстве — Харитонов, Тимрот и Вунч.

²⁾ О содержании этой переписки вспомнили в конце последнего заседания 26 июля, когда в ответ на слова Государя, что он забыл, что в манифесте надо упомянуть о Финляндии, А. Г. Булыгин сказал, что он получил письмо от финляндского генерал-губернатора, который находит, что необходимо упомянуть об участии выборных от Финляндии в Думе: на это Государь сказал: „Да, это непременно надо сделать теперь же“